

Предисловие ко второму изданию.

Хотя содержание книги по сравнению с первым изданием в основном и осталось неизменным, однако в изложение внесено много поправок и дополнений. Поправки эти сделаны как с целью более уточнить и систематизировать изложение, так и потому, что после появления в свет первого издания литература предмета пополнилась многими новыми исследованиями, выявились на ряд вопросов новые точки зрения.

Кроме того настоящее издание дополнено двумя новыми главами: гл. VI. Значение изучения близнецов при исследовании наследственности у человека и гл. VIII. Современные данные о наследственности нормальных и патологических признаков у человека.

Т. Юдин.

Казань.
Август 1927.

ГЛАВА I.

Евгеника как самостоятельная научная дисциплина, ее границы, методы и задачи.

Евгеника наука молодая и находится еще в процессе становления; до сих пор разное понимают ее предмет, ее задачи; еще не установлены общепринятые шаблоны построения и изложения материала, относящегося к евгенике; еще недостаточно разработаны специальные методы решения еврических задач.

Неопределенность и незащищенность границ новой науки вполне естественны, как естественно и то, что в связи с этой неопределенностью в область евгеники иногда включаются недостаточно зрелые теории, а временами выдвигаются даже нелепые предложения и конструкции. Нередко необдуманное и недоношенное выносится как главный элемент ее содержания.

Но все это отнюдь не может и не должно поколебать ее основной ценности и необходимости.

Главный вопрос, имеется ли основание выделять явления, изучаемые еврикой, в особый класс и создавать для их изучения не только особую теорию, но и самостоятельную научную дисциплину, несомненно, должен решаться вне зависимости от этих наслоений.

Изучение какой-либо проблемы может и должно выделяться в особую самостоятельную науку, во-первых, если выдвигаемые ею явления представляют нечто своеобразное, не изучаемое другими научными дисциплинами, во-вторых, если эти явления все вместе составляют систему положений, связанных развитой цепью понятий, оправдываемых общим методом, и, в-третьих, если эта проблема имеет достаточную теоретическую и практическую важность.

Что же изучает еврика?

«Еврика—как ее определяет ее основатель Гальтон—есть дисциплина, изучающая какие факторы улучшают и какие факторы ухудшают врожденные качества расы». Целью еврики является воздействовать в интересах улучшения человечества на эти факторы, поставив их под общественный контроль.

Гальтон при этом имел в виду улучшение именно врожденных качеств и основой еврики считал изучение наследственности.

Уже Дарвин указывал: «Человек изучает с величайшей заботливостью свойства и родословные своих лошадей, рогатого скота и собак, прежде чем соединить их в пары; но когда дело касается его собственного брака,

он редко или никогда не выказывает подобной осмотрительности...» «А между тем,—продолжает Дарвин,—он мог бы способствовать разумным отбором не только развитию физического сложения и наружности своих потомков, но и развитию умственных и нравственных качеств...»

«Однако, подобные желания будут утопией и не могут хоть сколько-нибудь осуществиться в действительности до тех пор, пока не сделаются известными законы наследственности. Всякий, кто способствует изучению наследственности, оказывает большую пользу человечеству».

Это изучение законов наследственности физических и психических особенностей человека и является, по Гальтону, одной из задач евгеники. Но евгеника не только изучает законы наследственности, она имеет целью и применение этих законов в жизни для улучшения человеческой породы. Ее задачей является не только выделение и классификация различных наследственных свойств человека, не только изучение законов их передачи от предков к потомкам, но и изучение социальных проявлений этих свойств, стремление использовать знание врожденных особенностей для того, чтобы поставленные социальной жизнью задачи разрешались наиболее полно и с наименьшей затратой сил.

Проблема евгеники двойственна: с одной стороны, она наука естественная, био-техническая и пользуется всеми точными методами наук биологических, а с другой стороны—она наука социальная, наука историческая по классификации Риккерта, наука нормативная: она создает рецепты для удовлетворения запросов текущей, постоянно меняющейся социальной жизни; здесь ее задачей является достигнуть того, чтобы, используя знание законов наследственности, «улучшить» человечество в его целом.

Конечно, справедливо, что евгеника, как наука нормативная, разделяет участь всех прикладных наук, т. е. при определении ценности она находится в полном подчинении и служении той идеологии, которая кладется в основу ее применения, но от этого она не перестает быть наукой¹⁾.

Как и другие науки, евгеника находится в самом тесном соприкосновении с целым рядом дисциплин, но она выдвигает своеобразную основную проблему, благодаря чему совершенно по новому группирует все эти вопросы, с новой стороны их освещает.

Генетика изучает наследственность отдельных свойств человека, но не рассматривает, чем они заявляют о себе в семье, хозяйстве, политике; не рассматривает их с точки зрения социальной значимости, с точки зрения исторической интерпретации важности их для всего человечества.

Антропология изучила историю происхождения рас, зависимость их особенностей от внешних условий, от естественного отбора, от смешений и т. п.; изучила отдельные расовые типы и их морфологические, частью физиологические и химические особенности.

Медицина изучила происхождение и отдельные типы патологических, вредных для человека особенностей.

¹⁾ Вопрос о том, необходимо ли наука должна мыслиться независимой от суждения о ценностях—сложный вопрос методологии наук, разбираемый целым рядом гносеологов и логики (Риккерт, Зигварт, Мюнстерберг и др.).

Психология и психотехника, психиатрия изучают структуру психологических особенностей и их отношение к особенностям текущей жизни и социальной среды.

Генеалогия дает нам материалы для изучения различных особенностей в ряде поколений.

Социология изучает явления взаимодействия людей друг с другом, сосредоточивает все свое внимание на развитии культуры, общественных форм, упуская из виду свойства психо-физиологической природы человека.

Обобщающий гений Г а л ь т о н а разбросанные, необъединенные, отдельные евгенические вопросы, захватываемые частично всеми этими науками, координировал в одно общее целое, — выделив евгенику, как науку, изучающую все факторы, улучшающие или ухудшающие врожденные свойства человека с целью воздействовать на них в интересах улучшения породы человека.

Таким образом, выдвинутые евгеникой положения составляют, несомненно, своеобразную и связанную одной цепью систему понятий.

Однако, наше определение евгеники должно быть в настоящее время во многих отношениях уточнено.

І. Первым вопросом, требующим уточнения, является вопрос о соотношении евгеники и гигиены, заботящейся об улучшении внешних условий (так называемой «евтеники» от греческого слова εὖ — хорошо и θείνω — процветаю, развиваюсь).

Некоторые евгенисты говорят, что при улучшении внешних условий смягчается борьба за существование, уничтожается естественный отбор, выживают люди слабые, с плохими наследственными особенностями, и, таким образом, улучшая внешние условия, мы действуем в противоположном евгенике направлении. Отсюда проф. К а у п, напр., выдвигает вопрос о полной противоположности «народной (социальной) гигиены» (Volkshygiene) и «гигиены селекционной» (евгеники).

При правильном биологическом отношении к вопросу такое противоположение является, однако, недопустимым.

Было время, когда наследственность и изменчивость противопоставляли друг другу и в биологии, в них видели не только независимые, но и противоположные силы, из которых одна имеет консервативный, другая — прогрессивный характер. Но в настоящее время «изменчивость и наследственность — как говорит П и р с о н, — составляют одну основную тайну жизненной единицы». В современной биологии различают две системы сил, конструирующих живой организм: силы внутреннего сцепления крайне сложной системы самого организма и силы окружающей эту систему природы (перистаз), силы «окружающей среды» (перистатические силы). От взаимодействия обеих этих сил и зависит реальное строение организма.

Система сил самого организма, создаваемая в момент соединения яйца и семенной клетки, обладает значительной устойчивостью, выработавшейся в результате миллионов лет постепенного развития органического мира. Основное значение прочности этой системы заключается именно в том, что благодаря ей организм мог, до известной степени, овладеть внешними усло-

виями; вследствие стойкости этой системы, организм, будучи тесно связан со всем остальным окружающим его миром, черпая из него материал для своего существования, однако мог по своему переработать этот материал, сохраняя свою индивидуальность, свои собственные особенности.

Эта, прочно закрепленная историей развития, внутренняя система сил организма, определяющая тип его реакций на окружающие условия, называется в настоящее время в биологии генотипом.

Однако, реальный организм есть результат столкновения имеющихся в генотипе сил с силами окружающей среды; жизнь состоит из реакций генотипа на эту среду, при чем индивидуальность не только стремится к самосохранению, но и к постоянному изменению коэффициента $\frac{\text{личность}}{\text{среда}}$ в пользу личности. Поскольку разовьются имеющиеся в генотипе силы—это зависит от среды, в которой развивается организм.

В биологии результат столкновения генотипических сил и сил окружающей среды—реальный живой организм—называют фенотипом.

Схематически, таким образом, дело надо здесь представить так:

$$\underbrace{\text{генотип} \rightarrow \text{окружающая среда}}_{\text{фенотип}}$$

Фенотип мы видим непосредственно, он один поддается непосредственному физическому, химическому и физиологическому анализу. Но отличия между различными фенотипами могут быть объяснены с двух сторон: фенотип может быть различен или вследствие различия внутренней структуры организма (напр., в одном и том же месте, на одной и той же почве, при той же t° , влажности и т. д. мы наблюдаем массу разнообразных пород растений), или вследствие того, что при одной и той же внутренней структуре организм развивался при разных внешних условиях (мы видим, например, что величина листьев на одном и том же дереве различна).

Хотя с самого начала развития организма действуют обе основные силы и в действительности раздельно их мы не в состоянии наблюдать, однако реальность обеих этих сил несомненна. Никто не будет сомневаться, что почва имеет громадное значение для развития растения, но никто не сомневается и в том, что почва никогда не определяет породы растений, что определяют ее семена, что на одной и той же почве, рядом может расти и береза и дуб. Еще Гетте в «Метаморфозах растений» писал: «Обратите внимание на двойной закон природы: первый закон, по которому растения строятся, и второй закон, внешних условий, по которому растения растут».

Необходимость при анализе этих сил исходить из фенотипа—результата их столкновения—вело к тому, что было крайне трудно выделить каждую из них в отдельности, и только за последнее время, с развитием генетики, стало возможным более или менее точное суждение о генотипе; только менделизм представил связанный ряд бесчисленных и ярких примеров относительного значения фенотипа и стойкости генотипических особенностей.

Евгеника изучает генотип, и в этом, действительно, ее отличие от евтеники, она имеет в виду общевидовые интересы, факторы видовой эволю-

ции, эволюции в ряду поколений, стремится подбором «лучших» генотипов изменить состав населения; добиться лучшего «устройства» системы организма. Гигиенист-евтеник имеет в виду интересы настоящего поколения, как оно уже дано природой, заботится о лучшем развитии уже имеющих организм. В этом разница евгеники и евтеники.

Но и генотип по Иогансену в своем определении должен включать в себя все возможности своего развития. Задача изучения генотипа собственно должна состоять в том, чтобы изучить все возможные его вариации при разных условиях и, в конце концов, объединить весь ряд фенотипических вариаций одного и того же генотипа.

Таким образом, евгеника не может и не должна отказываться от познания внешних условий, но она изучает их под особым углом зрения: с точки зрения нахождения лучшего генотипа, могущего дать наибольшие результаты в данных условиях. Евгенике важно выяснить, какие генотипы наиболее «ценны», нужны в данный момент и как их на известное время «закрепить».

Одно дело получить вырастить уже посаженный сад, лучше удобрять его, защищать от вредных насекомых (евтеника) и другое дело, при возделывании нового сада, выбрать те сорта деревьев, которые соответствуют данной почве и климату и вообще являются «лучшими» во всех отношениях (евгеника).

Несомненно, что неблагоприятные условия часто не позволяют проявиться имеющимся в генотипе ценным свойствам; при несоответствующих условиях «гибнут таланты», не выявляются во вне. Высшая граница развития отдельных физических и психических особенностей для каждого индивидуума определена его генотипом, но достижение этого максимума связано с внешними условиями.

Ясно, что евгеника прежде всего должна стремиться к изменению таких условий, которые мешают всякому развитию организма. Когда вследствие дурного питания, плохого жилища, отсутствия воздуха, переутомления, вследствие непосильной работы организм вообще не может жить, когда ставятся всякие рогатки для возможности получения какого бы то ни было умственного развития для большинства населения, то первым предельным условием для успеха евгеники является изменение этих условий. Здесь задачи евгеники и «народной гигиены» — совершенно идентичны. Слепое и массовое уничтожение наследственных свойств при неблагоприятных условиях жизни масс является одним из самых анти-евгенических явлений. Еще Уоллес¹⁾ говорил: «Благоприятный отбор обеспечен только тогда, когда все индивидуумы находятся в одинаково благоприятных условиях». В конце концов, для широкого применения евгеники наступит момент только тогда, когда все население получит возможность свободного развития всех своих врожденных особенностей.

Некоторые евгенисты (первым по времени представителем такого мнения являлся Ляпуж) склонны считать, что нужна есть результат биологической (генотипической) непригодности организма, что нужна только могильщик: она не уничтожает никаких ценностей, а только оконча-

¹⁾ Wallace. Human Progress. Stud. II.

тельно зарывает то, что в биологической борьбе за существование уже доказало свою малочисленность тем, что спустилось до нужды.

Исходя из этого положения, многие евгенисты склонны даже и евгеническую ценность человека вообще расценивать с точки зрения его экономического успеха.

Однако, во-первых, такое голое биологизирование сложных социальных фактов является, как мы разберем ниже, совершенно неправильным с социологической точки зрения, а во-вторых, и с чисто-биологической точки зрения подбор, борьба за существование при естественных условиях есть грубое массовое уничтожение, при котором для того, чтобы сохранился один—гибнет случайно масса и ценных особей, и дело евгеники, как науки, в том и состоит, чтобы овладеть законами естественного подбора и из стихийного процесса превратить его в рациональный, производимый с минимальной затратой сил.

Если действительно некоторая, небольшая часть населения впадает в нужду вследствие своей биологической неполноценности (бродяги, психопаты, неспособные ни к какой работе), то нельзя считать биологически неполноценным большинство населения (громadный класс пролетариев, безземельных или малоземельных крестьян), которое несмотря на то, что трудится в поте лица своего и производит трудом своим большие ценности, живет в нужде вследствие существующих социальных условий.

Именно в этих массах населения мы имеем неисчерпаемый запас мертвележащих, вследствие плохих жизненных условий, одаренностей, из которого выдвигаются лишь случайно отдельные таланты. Улучшив условия существования масс, мы дадим возможность не случайного развития отдельных лиц, но общего процветания всего одаренного населения.

Но и взгляд, что улучшение внешних условий само по себе может сделать полноценными людей с врожденными патологическими особенностями, с дефектной наследственной организацией, с биологической точки зрения является утопическим.

Таким образом, мы полагаем, что, во-первых, евгеника ни в коем случае не находится в противоречии с улучшением внешних условий, во-вторых, задачи ее своеобразны и иные, чем задачи евтеники.

Вопрос о том, следует ли рассматривать евгенику, как совершенно самостоятельную научную область или как часть социальной гигиены, не является принципиальным. Если принять определение социальной гигиены, какое дает, например, Хайес («гигиена есть знание о том влиянии, какое оказывают биологические, экономические и социальные условия на состояние здоровья больших, связанных общностью жизненных условий групп населения, а также на их потомство с целью улучшения существующих санитарно-гигиенических условий данных групп и улучшения их потомства»), то евгеника явится только своеобразным отделом такой гигиены. Однако, никоим образом нельзя соглашаться с теми, кто хочет всю область евгеники свести к обычным социально-гигиеническим мероприятиям, считая, что оздоровление окружающих условий поведет и к улучшению потомства: генотип и фенотип—не одно и то же.

В социалистическом строе, когда благами культуры будут пользоваться все слои населения, когда громадное число орудий производства настолько

облегчит существование человечества, что от организма будет требоваться очень немного сил для самозащиты, когда массовое уничтожение без разбора, вследствие нужды, прекратится, евгеника должна будет занять особо важное место. При хороших внешних условиях, действительно, будут выживать даже и не очень крепкие, даже и неполноценные субъекты и чем дальше, тем они все больше будут ложиться грузом на полноценное население ¹⁾, ложиться грузом потому, что если у них и достаточно сил выжить в культурных условиях, то все же у них мало сил творить должный прогресс жизни. Грубый стихийный подбор вследствие культурных условий прекратится, но на место его особенно необходимо будет подбор рациональный, научный. «Евгеника—по мнению Гротьяна—вершина социально-гигиенического мышления» и осуществление ее возможно и необходимо прежде всего на вершине социального устройства общества.

II. Вторым вопросом, требующим уточнения в нашем определении евгеники, евгеники, как науки одновременно биологической и социальной, является более точное определение роли и взаимоотношения в ней факторов биологических и факторов социальных.

Старые биологические социальные школы (Спенсер, Петурно, Новиков) вполне отождествляли весь прогресс человечества, все историческое развитие с факторами биологическими. И это примитивное биологизирование социальных явлений, полное подчинение социального развития факторам биологическим до сих пор присуще многим ученым.

Психо-социальная школа (Тард, Л. Уорд) и в еще большей мере нео-социальная школа (де Роберти, Дюркгейм, Драгическо) уводят человека из животного царства, и все его действия выводят из его «психики» или «общественности», считают психологический или социальный фактор единственным: «био-индивидуальная жизнь у человека, как и у животных, остается чуждой или точнее сказать непроницаемой для какой бы то ни было культуры».

Марксизм также стоит на том, что нельзя топить социального в биологическом. «До известной стадии развития, — пишет марксист-биолог И. Агол ²⁾—живые существа подчиняются исключительно биологическим законам. Но как только в процессе своей эволюции живые существа достигают степени сознательного животного, биологические законы, под действием которых органические существа дошли до этой стадии, не могут уже охватить всей сложной совокупности новых явлений; и хотя они продолжают действовать и в новых условиях, но главным рычагом являются уже новые законы социологии».

¹⁾ Быть может этим объясняется и в настоящее время перегрузка неполноценными элементами (вырождение) живущих в хороших условиях высших классов капиталистических обществ. Впрочем, не надо и здесь быть очень пессимистичным: благодаря улучшению условий не только смогут выжить слабые, неполноценные, но и могут появиться новые ценные свойства, которые в других условиях оставались «летальными», погибали (см. главу о естественном отборе).

²⁾ И. Агол. Метафизика и диалектика в биологии. «Под знаменем марксизма», 1926 № 3.

Что собственно это значит? Какая же роль остается за законами биологическими? Какое же значение имеет в социальной жизни евгеника, как наука об улучшении биологических (природных) свойств человека.

Животное, для сохранения своей жизни, приспосабливалось к окружающей среде исключительно изменением своих биологических особенностей, своих органов; все овладение внешними условиями, все силы для сохранения и развития своей индивидуальности у животного заключались в особенностях его биологической структуры.

Человек, как определил его еще Франклин, стал животным, делаящим орудия; у него эти орудия стали «органами его деятельности, которые он присоединил к органам своего тела»; человек стал овладевать окружающей средой не биологически, а технически.

Отсюда и вывод нео-социальной школы, что телесно-биологическое приспособление к природе у человека является лишним. Евгеника, как наука стремящаяся к биологическому улучшению человека, не имеет значения.

«Цивилизованный человек—по Драгическо—биологически становится все менее дифференцированным. Теперь не только не должны образовываться новые органические приспособления, новые инстинкты, но даже все старые наклонности и инстинкты, свойственные древнему человеку, должны исчезнуть в процессе цивилизации.»

«Органические свойства расстраиваются под ударом всякого рода социальных реакций... Гибкость и физиологическая неусловленность—главная особенность культурного человека... Наследственности и прочности нет места в организме современного человека... Сложность и подвижность общественной жизни оказывает противодействие закону наследственности и имеет последствием невозможность наследования не только старых, но и новых приобретенных признаков. Человек все более и более становится *tabula rasa*».

Точно так же и А. Б. Залкинд в своей книге «Очерки культуры революционного времени» говорит: «все так называемые инстинкты, все так называемые «типические» законы пола, возраста, наследственности, все нормы некогда основных функций (пищеварения, кровообращения, дыхания, иннервации), под давлением гигантски увеличивающегося производственного бытия, претерпевают достаточно быстро развивающиеся метаморфозы. Всюду могучая система безусловных рефлексов человеческого организма, дававшая право говорить о прочных законах физиологии, теперь распалась, раздробилась, распалась по всем швам... Самый вид *homo sapiens* раскололся...»

Но одно дело топить социологию в биологии, а другое дело строить социологию совсем без ее биологических корней. Такое отношение к биологии понятно только для той школы в социологии, которая трактует человека как «духовное» существо, для которой человеческая «плоть» с ее «материальными» соотношениями не существует.

Вполне признавая детерминирующее значение производственных факторов в эволюции общественных отношений человека ¹⁾, едва ли есть нужда отрицать биологическую стойкость человеческого типа.

¹⁾ Здесь эволюция и закрепление имеет место главным образом не в биологической организации, а в орудиях производства.